

Профессор Марк Арнольд считался фигурой первой величины в области компьютерных наук.

Лауреат престижнейших государственных научных наград США, он вписал свое имя в мировую историю информационных технологий. Если при упоминании какого-нибудь другого профессора кто-то еще мог колебаться, заслуживает ли тот звания светила, то в отношении Марка Арнольда ответ всегда был однозначным: это великий ученый, чей авторитет уступал разве что самим учредителям научных премий.

Спешно прибывшие на площадку члены судейской коллегии, какими бы титулами и регалиями они ни обладали, перед ним почтительно склоняли головы и именовали не иначе как профессором и учителем.

Узнав, что старик ждет, пока зарядится беспилотник Шэнь Минчжоу, судьи внезапно выдвинули требование, до боли напоминающее китайский подход к решению вопросов.

— Шэнь Минчжоу, принеси-ка беспилотник сюда и продемонстрируй его нам прямо в помещении.

На месте другого участника любой бы уже бросился исполнять просьбу жюри, не помня себя от радости. Однако Шэнь Минчжоу лишь покачал головой:

— Согласно техническим спецификациям, «Стрекозе» требуется не менее двух часов на солнце. С момента начала зарядки прошло меньше получаса. С учетом местной интенсивности освещения аккумулятор заряжен менее чем на 20%. Запуск в таких условиях грозит падением.

Выросший в новую эпоху под красным знаменем социализма, старшеклассник давно выработал иммунитет к подобному «особому отношению».

Профессор Витт, всем сердцем болевший за своего ученика Ярмана, услышав это, не упустил случая вставить шпильку:

— Беспилотник, который нельзя быстро зарядить от сети? Какая-то бесполезная игрушка.

— Почему же, можно, — возразил Шэнь Минчжоу. — Но я использую китайскую трехконтактную вилку, а из-за спешки не успел купить переходник. К тому же в Китае напряжение в сети 220V, американское 110V напряжение для зарядки может оказаться медленнее, чем просто на солнце.

На мгновение Витт даже растерялся, не понимая, чего в этих словах больше: насмешки над американскими электросетями или хвастовства эффективностью солнечных батарей.

Профессор Арнольд не сдержал смеха:

— Я всегда слышал, что Глобальный конкурс технологий организуют на высшем уровне. Неужели участникам не удалось выдать банальные переходники?

— Преодоление подобных трудностей входит в задачи конкурсантов, — поспешил оправдаться Витт. — Они должны сами готовить все необходимое под нужды своих проектов.

Арнольд понимающе кивнул. Раз уж это Глобальный конкурс технологий, то умение справляться с непредвиденными мелочами действительно можно считать частью испытания.

Тем не менее то, как Шэнь Минчжоу во всем следовал исключительно отечественным стандартам, даже не пытаясь подстроиться под американские реалии, вызвало у Арнольда легкий, хорошо знакомый вздох сожаления. Пожалуй, это была общей чертой всех китайских гениев — о чем бы они ни думали, в мыслях у них всегда оставалась только родина.

— Ну что ж, тогда прогуляемся, — произнес старик, поднимаясь со стула. — Пока беспилотник заряжается, Шэнь Минчжоу, не согласишься ли ты составить мне компанию и взглянуть на работы других ребят?

Хотя Арнольд обратился лично к Шэнь Минчжоу, остальные члены жюри не осмелились остаться и поплелись следом. Пожилой ученый шел впереди плечом к плечу со школьником, и вся эта процессия неумовимо напоминала визит высокого начальства с инспекцией.

И пускай иностранные конкурсанты были далеки от чинопочитания, столь внушительная делегация не могла не привлечь их любопытных взглядов. Но главное — среди них они увидели Шэнь Минчжоу.

Черноволосый юноша, чей взгляд обычно оставался безучастным и холодным, теперь спокойно шел подле профессора Арнольда. Стоило профессору повернуть голову к какому-нибудь стенду, как ясные темные глаза юноши послушно следовали за его взором.

Те, кто еще недавно вовсю потешался над «фантазиями» китайского школьника, теперь удивленно перешептывались.

— Кто этот старик? Почему Шэнь Минчжоу разгуливает вместе с судьями?

— Это же профессор Арнольд! Боже мой, рядом с ним сам Марк Арнольд! Легенда компьютерных наук и почетный директор крупнейшей компьютерной компании, софтверной компании в мире!

— Значит ли это... раз они осматривают выставку вместе, что система Шэнь Минчжоу действительно существует?

Разговоры принимали пугающий оборот, и ядовитые смешки, которыми они осыпали Шэнь

Минчжоу последние два дня, теперь возвращались к ним бумерангом, больно рана собственное самолюбие. Конкурсанты провожали процессию взглядами, не понимая, что чувствуют больше — досаду или смутное волнение. Создатель операционной системы будущего только что расписывал им, как изменится мир, а они лишь зубоскалили, принимая его слова за нелепый анекдот.

Прогуливаясь по выставке, профессор Арнольд вопреки ожиданиям Шэнь Минчжоу вовсе не выказывал живого интереса к каждой студенческой поделке. Лишь единичные проекты удостаивались его мимолетного внимания — тогда он останавливался и вежливо выслушивал презентацию. Впрочем, сколько бы конкурсанты ни распинаясь, старик лишь молча кивал, не задавая вопросов.

Шэнь Минчжоу мельком оглядывал эти работы: системы мониторинга дорожного трафика, исследования пространственного позиционирования, умные роботы-альпинисты... Все эти технологии были настолько просты и прозрачны, что даже он щелкал их как орехи. Очевидно, что такому маститому ученому, как Арнольд, хватало одного взгляда на выставочный стенд, чтобы досконально понять всю подноготную проекта.

Когда они покончили с инженерной секцией, поводов для остановок стало еще меньше. Проходя мимо биохимических и экологических стендов, профессор Арнольд завел разговор о Шао Ляне.

— Когда Уильям только поступил в Массачусетский технологический, о нем гудел весь институт, — с улыбкой вспоминал старик. — Ему было всего двенадцать, а он уже замахнулся на магистерскую и докторскую степени разом. Он твердо вознамерился учиться у Альберта, хотел заниматься чистой математикой. Но у Альберта характер оказался еще более несносным, чем у мальчишки, и он отказался. Тогда я прибрал Уильяма к себе, затянул его в исследования искусственного интеллекта. Я ведь всегда питал слабость к гениям.

Старик неторопливо шагал вдоль стендов, погрузившись в ностальгию:

— Гении — это дар свыше, они приходят в наш мир с великой миссией. В те годы я был искренне убежден, что Уильям рожден для того, чтобы стать архитектором грядущей цифровой эпохи.

Шао Лянь никогда не рассказывал Шэнь Минчжоу о своих студенческих годах в Штатах, но профессор Арнольд помнил каждую деталь.

Совсем еще ребенок, едва достававший взрослым до груди, он умудрялся так аргументировать свои идеи, что старшие аспиранты беспрекословно признавали его авторитет и почитали за честь помогать ему в лаборатории. В тринадцать лет он опубликовал свою первую научную работу по искусственному интеллекту, которая буквально всколыхнула научное сообщество, и без труда защитил магистерскую диссертацию. Перейдя в докторантуру, он остался совершенно равнодушен к лучам славы и всеобщему обожанию, целиком посвятив себя исследованиям. Беспилотники, солнечная энергетика, нейросети, новые материалы — любой

инновационный прорыв мгновенно разжигал в нем азарт. Он мог запереться в лаборатории на несколько месяцев, а затем выдать фундаментальный труд, который определял вектор развития целой отрасли на годы вперед.

— Многие считали его высокомерным и холодным, но это не так, — покачал головой Арнольд.

Профессор слишком хорошо знал своего любимого ученика.

— Он попросту не умел кривить душой. Говорил всегда прямо, без обиняков: если задача казалась ему элементарной, он так и заявлял; если чужое решение казалось глупым, не стеснялся называть вещи своими именами. Разумеется, этим он нажил себе немало врагов. Но для меня он всегда оставался чертовски обаятельным. Он менял научные интересы как ребенок игрушки, и в этом проявлялось его искреннее, детское любопытство к устройству вселенной.

Слушать рассказы пожилого наставника о Шао Ляне было для Шэнь Минчжоу удивительно ново. Кто бы мог подумать, что этот вечно небритый мужчина, разгуливающий в шортах и шлепках, в глазах своего профера выглядел юным первооткрывателем, который радовался каждому новому открытию как ребенок и спешил похвастаться им перед миром. А после публикации очередной статьи мгновенно остывал к теме, теряя к ней всякий интерес.

За одним лишь исключением — искусственным интеллектом. Работа над ним никогда не прекращалась. Даже когда Шао Лянь резко переключался на смежные дисциплины, это означало лишь то, что он уперся в стену и искал способ разгрузить мозг.

— Уильям ни разу не разочаровал меня, — старик внезапно остановился и в упор посмотрел на Шэнь Минчжоу. — До того самого дня, пока не принял решение вернуться в Китай.

Для Шэнь Минчжоу, который за две жизни впервые выехал за пределы родины, эти слова прозвучали неприятно. Он невольно нахмурился.

Это был уже второй раз, когда престарелый ученый сетовал на отъезд Шао Ляня. Тот факт, что его лучший ученик покинул Штаты ради Китая, оставался для Арнольда незаживающей душевной раной.

— Ты приехал из Китая, и тебе, должно быть, неприятно это слышать, — старик возобновил шаг. — Но прошедшие десять лет наглядно доказали: твоя страна этого не стоила.

Не стоила того, чтобы самый блестящий из его студентов бросил все и ринулся туда очертя голову. Не стоила того, чтобы любимый ученик оборвал все связи и растворился в неизвестности.

Он не раз засиживался допоздна, надеясь получить из далекого Китая хоть какую-то весточку

о триумфе. Пусть даже это достижение разнесли бы в пух и прах западные критики — ему было все равно. Если бы его мальчик сумел воплотить свою мечту, он здесь, на другом конце земли, где разница во времени составляла двенадцать часов, плакал бы от гордости за него. Но за десять долгих лет он так ничего и не дождался. Некогда гремевший на весь мир гений упустил лучшие годы своей жизни, лишь изредка и без лишнего шума появляясь в соавторах второстепенных научных статей.

— Профессор, вы не правы, — твердо возразил Шэнь Минчжоу.

Пока Арнольд предавался меланхолии, юноша спокойно, но непреклонно стоял на своем.

— Уильям искренне любит свою родину. А когда трудишься ради того, что любишь, любые усилия оправданы, даже если они не сразу приносят плоды.

Арнольд замер, пристально вглядываясь в лицо подростка. В этот миг темноволосый, мягкий с виду юноша показался ему невероятно похожим на упрямого Уильяма.

Перед отъездом Шао Лянь сказал почти то же самое: «Когда ты дома, на родной земле, любое дело приносит счастье».

Безоглядная юношеская вера, не знающая страха перед будущим. Чистота этой убежденности вновь заставила старого профессора грустно улыбнуться.

Старик уже собирался закрыть тему и переключить внимание на первый попавшийся стенд, как вдруг Шэнь Минчжоу добавил с мягкой улыбкой:

— К тому же очень скоро вы будете им гордиться. И не просто гордиться. Вы сами поймете, что наша страна стоила каждой секунды его труда.

Это громкое заявление прозвучало так внезапно, что сопровождающие их члены жюри, внимательно ловившие каждое слово старого академика, тут же наострили уши. Каждому из них до безумия хотелось узнать, чем же занимался Шао Лянь все эти годы. Это оставалось тайной за семью печатями.

Шэнь Минчжоу одной фразой разжег их любопытство до предела, и теперь на него уставились десятки выжидающих взглядов.

— Тебе известно, над чем он работает? — с легким недоверием спросил Арнольд.

— Да, — спокойно подтвердил юноша.

В то же мгновение глаза старого ученого и всех судей округлились. Их лица буквально

кричали: «Ну же, выкладывай!», однако профессиональная этика и правила конфиденциальности заставляли их хранить благопристойное молчание.

Старые лисы, ничего не скажешь. В конце концов, если они не будут расспрашивать напрямую, то технически их нельзя обвинить в попытке выведать чужие государственные секреты.

Но Шэнь Минчжоу без лишних утайок произнес с нескрываемой гордостью:

— Он разрабатывает государственную медицинскую систему. Когда ее развернут по всей стране, она решит проблему доступности здравоохранения для сотен миллионов людей.

Ответ оказался настолько неожиданным, а пафос юноши — столь искренним, что судьи растерялись, не решаясь вслух высказать сомнения.

— Вот как...

— Хм, медицинская система...

— Шэнь Минчжоу, не мог бы ты уточнить? Речь идет о борьбе с раком или какими-то конкретными патологиями?

Профессор Витт, снедаемый профессиональным любопытством, подался вперед:

— Понимаешь, моя специализация — биомедицина. Мне крайне интересно, какую именно область медицины решил реформировать Уильям.

Юноша прекрасно видел их скептицизм, но искушение утереть им нос и лишний раз продемонстрировать величие своего партнера было слишком велико.

— Речь идет о базовой медицинской системе, в будущем она станет неотъемлемой частью повседневной жизни каждого жителя. Если описывать ее, то это ИИ-врач, способный прийти в каждый дом и лечить распространенные заболевания, обеспечивая удобство продвижения базовой медицинской помощи и одновременно снижая нагрузку на медицинскую отрасль.

Однако революционный проект, которому суждено было потрясти весь Китай и вызвать зависть у всего мира, в пересказе школьника встретил точно такой же снисходительный прием, как и его собственная операционная система «Всех Вещей».

«О, звучит неплохо», — лениво подумал один.

«Так вот чем занят Уильям», — снисходительно хмыкнул другой.

«На его месте я бы тоже на люди не показывался», — презрительно усмехнулся третий.

Хотя Шэнь Минчжоу давно привык к подобным реакциям, сейчас в его груди шевельнулась глухая ярость.

— Уважаемые профессора, у вас есть какие-то сомнения на этот счет? — холодно поинтересовался он.

Витт снисходительно улыбнулся:

— Никаких недоразумений, мой юный друг. Просто... масштаб задач Уильяма кажется нам несколько скромным. В биомедицине принято бросать вызов онкологии или редактировать дефектные гены. А банальная простуда или легкая лихорадка... С этим организм прекрасно справляется сам благодаря иммунитету. К тому же в развитых странах вроде США у каждого есть личный семейный врач.

В этот момент капиталистическое чванство проявило себя во всей красе. Витт был готов часами разглагольствовать о достоинствах системы частных врачей, начиная с того, что для получения лицензии американскому специалисту требуется учиться долгих одиннадцать лет. Профессионализм, колоссальная ответственность, визиты на дом — все это выглядело куда надежнее какого-то там алгоритма на экране смартфона.

— Так что не обижайся на наш скепсис. В конце концов, у нас разные реалии. Америке проект Уильяма попросту без надобности.

В его голосе сквозила завуалированная издевка. И Шэнь Минчжоу прекрасно это слышал.

Юноша слегка приподнял подбородок, прямо посмотрев в глаза этому холеному представителю американской элиты.

— Разница в реалиях действительно огромная, — спокойно заговорил он. — В Китае, если человек идет в ближайшую больницу со стандартной простудой, он тратит более семидесяти пяти процентов времени на стояние в очередях. В Штатах же достаточно заранее записаться на прием, и никакой живой очереди не будет.

Витт довольно сощурился, решив, что парень признал поражение, и благосклонно кивнул. Но Шэнь Минчжоу тут же безжалостно продолжил:

— Вот только, согласно официальным отчетам Министерства здравоохранения США, среднее время ожидания визита к терапевту составляет двадцать четыре дня. А в небольших городах с населением около ста сорока тысяч человек этот показатель достигает тридцати двух дней.

Юноша усмехнулся:

— У нас шутят, что с лекарствами простуда проходит за неделю, а без них — за семь дней. За двадцать четыре дня ожидания пациент успеет переболеть, выздороветь, отдохнуть и слечь со вторым кругом как раз к назначенному приему.

Присутствующие ученые и эксперты смущенно переглянулись. Не то чтобы они не знали этих цифр — просто сами они давно забыли, что такое стоять в очередях или ждать приема неделями. Стоит человеку подняться на определенную социальную ступень, как перед ним открываются любые двери. Без всяких очередей. Тем более когда дело касается здоровья.

Однако Шэнь Минчжоу не собирался щадить самолюбие этих высокомерных снобов, посмевших обесценить труд Шао Ляня.

— В Китае шестнадцать мегаполисов с населением свыше десяти миллионов человек, — веско произнес он. — Среднее время ожидания приема в поликлинике у нас составляет два часа. Но даже эти два часа Уильям считает непозволительной роскошью для обычных людей. Его система позволит пациентам консультироваться и получать назначения не выходя из дома. А драгоценное время врачей и ресурсы клиник освободятся для тех, чья жизнь висит на волоске.

Приведя сухие цифры, Шэнь Минчжоу замолчал.

На его губах появилась легкая усмешка. Он вдруг поймал себя на мысли, что горячий спор о системе, которая еще даже не запущена, со стороны выглядит немного ребячеством. Эти люди судили о поступках Шао Ляня сквозь призму своих бытовых стереотипов. Его же гордость опиралась на непреложные факты.

Хваленая капиталистическая медицина с ее высокочеловеческими семейными врачами на деле заставляла миллионы простых граждан надеяться лишь на собственный иммунитет в ожидании заветного талона. Не прояви судебная коллегия столь вопиющего высокомерия, Шэнь Минчжоу никогда не стал бы так жестко препарировать их систему здравоохранения. Но они заделали то, что было ему дорого.

В конце концов, скорость их записи к врачу его несколько не волновала. Как только завершится Глобальный конкурс технологий, он первым же рейсом улетит обратно в Китай. Ни единой лишней минуты в этой стране. Даже если он заболеет, то лечиться предпочтет дома, в обычной китайской клинике.

Профессора притихли. Пытаться спорить с голыми цифрами, прикрываясь рассказами о заботливых семейных докторам, теперь выглядело жалкой попыткой выдать привилегии элиты за общую норму. Судьи растерянно уставились на профессора Арнольда в надежде, что многоопытный старейшина найдет достойный ответ и защитит их престиж.

К их глубокому разочарованию, Марк Арнольд лишь тепло и искренне рассмеялся.

— О да, это так похоже на Уильяма, — покачал он головой.

Старик проигнорировал умоляющие взгляды коллег, думая лишь о своем строптивом ученике:

— Как-то раз он сильно простудился и попытался записаться на прием. Ждать пришлось две недели. К моменту визита простуда давно прошла, он, разумеется, никуда не пошел, за что система благополучно снизила его кредитный рейтинг. С тех пор Уильям зарекся связываться с нашими клиниками, как бы тяжело ни болел.

Арнольд с мягкой улыбкой покачал головой, вспоминая упрямство своего подопечного:

— В Китае доступ к врачам гораздо проще, и то, что Уильям хочет сделать этот процесс еще более удобным и человечным с помощью искусственного интеллекта — прекрасная инициатива. По сути, это и есть благороднейшая цель, к которой должен стремиться каждый исследователь ИИ.

— Если ему удастся успешно запустить эту систему на родине, я с удовольствием прилечу и лично проверю ее в действии, — заговорщически подмигнул Шэнь Минчжоу старик и перешел на полусшепот: — Безусловно, это великое дело для простых людей. Вот только оно неизбежно наступит на хвост медицинскому лобби.

И это неудивительно. Ни один высококлассный специалист, потративший одиннадцать лет жизни на адскую учебу, не захочет уступить свое рабочее место бездушному алгоритму.

Вмешательство Арнольда положило конец этой недолгой пикировке. Профессор больше не возвращался к теме Шао Ляня, и Шэнь Минчжоу молча сопровождал его сквозь лабиринты биомедицинской секции.

Несмотря на щелчок по носу, профессор Витт на правах хозяина поспешил перехватить инициативу, заговорив о своем профильном направлении.

— Обратите внимание на этот стенд, — с воодушевлением начал Витт. — Проект посвящен борьбе с наследственными заболеваниями. Наша цель — выявление генетических рисков на самом раннем этапе с последующим направленным редактированием генома для полного искоренения патологии в роду.

Стоявший у стенда Ярман тут же принял эстафету и принялся уверенно, с отточенной грацией излагать суть своего исследования. Все было подготовлено безупречно: графики, подробные истории болезней, статистические таблицы и, что самое весомое, официальное заключение авторитетного Биологического научно-исследовательского института Витта.

Выслушав доклад, Арнольд отреагировал точно так же, как и у предыдущих стендов — вежливо и нейтрально. Заметив на бланках знакомый логотип института, он лишь мельком уточнил у Витта:

— Твой подопечный?

— Да, совершенно верно, — с гордостью подтвердил тот.

На лице Арнольда промелькнуло понимание.

Ярман, столько времени потративший на шлифовку своей презентации, не желал мириться со столь вялым приемом. Поймав одобряющий взгляд своего наставника, он обратился напрямую к Арнольду:

— Профессор, если вам интересно, я могу прямо сейчас продемонстрировать процесс скрининга и анализа поврежденных участков ДНК на нашем оборудовании.

Программа на его ноутбуке была запущена и полностью готова к работе, дожидаясь лишь момента, чтобы поразить великого ученого. Увы, сфера интересов Арнольда лежала совсем в другой плоскости, а по рядам биологов он бродил исключительно от нечего делать. Старик приподнял руку и сверился с часами:

— Пожалуй, в другой раз. Мне пора взглянуть на беспилотник Шэнь Минчжоу. Как раз прошло около двух часов.

Отказ прозвучал мягко, но категорично — престарелый ученый говорил о китайском квадрокоптере с таким нетерпением, будто там решалась судьба мировой науки. Словно это зрелище нельзя было пропустить ни при каких обстоятельствах.

Стремясь продлить общение с судейской элитой, Ярман тут же воодушевился:

— О, беспилотник! Вы о той самой «Стрекозе» Шэнь Минчжоу? Мне тоже безумно любопытно взглянуть на нее, разрешите присоединиться к вам?

Он повернулся к китайскому сверстнику, выразительно прищурившись и посылая ему недвусмысленный сигнал поддержки.

Вот только Шэнь Минчжоу лишь вздохнул и невозмутимо поправил его:

— Мой беспилотник называется не «Дракон», а «Стрекоза».

Ярман завис.

<http://bllate.org/book/20089/2002156>